

УДК 343.326

СЛОЖНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЕВИКОВ-ТЕРРОРИСТОВ

Донская (Кавелина) О. Г., Серегина Е. В., Никитенко Н. С.

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются сложные вопросы квалификации преступлений террористической направленности, связанные с оценкой неоконченных действий боевиков-террористов, их участием в вооруженных конфликтах, финансированием деятельности незаконных вооруженных формирований и международных террористических организаций.

Особое внимание авторами уделено проблеме отграничения преступной деятельности иностранных боевиков-террористов от наемничества. Иностранные боевики-террористы составляют боевой потенциал вооруженных конфликтов или военных действий. Профессиональные боевики выполняют военные задания за соответствующее вознаграждение, что является основанием квалификации их действий в соответствии с ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации. При преобладании в деятельности иностранных боевиков-террористов иных мотивов (идеологических, религиозных, этнических, политических, социальных) или личной заинтересованности, квалификация по данной норме затруднена.

В содержании статьи аргументированы предложения о необходимости регламентации ответственности иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе обобщения международного опыта противодействия финансированию действий боевиков-террористов авторы обозначили наиболее значимые его формы и методы.

Ключевые слова: боевики-террористы, вооруженные конфликты, военные действия, квалификация, корыстный мотив, международный опыт, наемничество, регламентация ответственности, финансирование терроризма.

Террористические организации систематически пополняются, постоянно осуществляется склонение граждан Российской Федерации к участию в агрессивных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. В последние годы сотрудники правоохранительных органов задерживают десятки лиц, намеревавшихся выехать из России для дальнейшего вступления в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования в Сирии, Ираке и Афганистане, о чем свидетельствуют частые сообщения СМИ [1]. Типичный пример: Б. в середине октября 2017 г. вступил в террористическое сообщество, созданное его знакомым. В ноябре 2017 г. подсудимый склонял и убеждал принять участие в боевых действиях на территории САР гражданина этого государства. В 2018 г. Б. вовлек еще одного своего знакомого в деятельность незаконного террористического сообщества. В мае и июне 2018 г. руководитель террористического сообщества совместно с Б. и иными участниками запрещенной организации разработали поэтапный план совершения террористического акта на территории Кавказских Минеральных Вод, путем совершения взрывов самодельных взрывных устройств и расстрела граждан. Действия Б. были квалифицированы судом в соответствии с ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 205.4

Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразия при квалификации действий, направленных на вступление в незаконные вооруженные формирования и международные террористические организации на территории иностранных государств, не доведенных до конца по независящим от виновных обстоятельствам. В одних случаях идентичные действия квалифицируются как приготовление, в других – как покушение на вступление в незаконные вооруженные формирования или международные террористические организации. Во многих случаях при квалификации таких деяний не принимается во внимание маршрут следования к территориям влияния международных террористических организаций, по пути к которым лицо может отказаться от преступных намерений.

Поскольку у Российской Федерации и приграничных стран отсутствует прямое регулярное авиасообщение с Сирией, Ираком и Афганистаном, в которых базируются международные террористические организации, проникновение на их территорию возможно лишь через сопредельные государства. В частности, Сирийская Арабская Республика граничит с Турцией, Ливаном, Израилем, Иорданией и Ираком. Исламская Республика Афганистан расположена вблизи границ с Ираном, Пакистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Китаем и Индией. Ирак граничит с Турцией, Ираном, Кувейтом, Саудовской Аравией, Сирией и Иорданией. Как правило, транзитной страной для лиц, намеревающихся вступить в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования в Сирии, Ираке и Афганистане, является Турция. «Большинство россиян, принимающих участие в террористической деятельности на территории иностранных государств, участвуют в незаконных вооруженных формированиях и международных террористических организациях, базирующихся в Сирии. Как правило, проникновение на ее территорию осуществляется посредством незаконного пересечения государственной границы Сирии со стороны южных районов Турции. После перелета из российских городов в Стамбул будущие рекруты направляются в указанные им вербовщиками места временного содержания, из которых их доставляют в Сирию автомобильным транспортом через провинции, подконтрольные боевикам» [3, с. 87].

Чаще всего действия лиц, намеревавшихся вступить в террористические организации в Сирии и Ираке, пресеченные правоохрнительными органами на территории Турции, были квалифицированы судами как покушение на преступление. Так, например, действия А., задержанного турецкими правоохрнительными в провинции Газиантеп, где он готовился незаконно перейти турецко-сирийскую границу с целью последующего вступления в незаконное вооруженное формирование, квалифицированы Дербентским городским судом Республики Дагестан по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ [4]. Аналогичным образом суды квалифицировали действия лиц, задержанных турецкими правоохрнительными в г. Стамбуле в местах размещения будущих рекрутов незаконного вооруженного формирования и международной террористической организации в Сирии и Ираке, ожидающих переправки в зоны террористической активности. Так, по приговору Каспийского городского суда Республики Дагестан от 8 февраля 2016 г. Г. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса РФ за попытку вступления в незаконное вооруженное формирование на территории Сирии, пресеченную

турецкими властями в г. Стамбуле.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в случае, если противоправная деятельность лица, намеревающегося вступить в незаконное вооруженное формирование или международную террористическую организацию на территории иностранного государства, пресечена в России, в том числе при попытке вылета, его действия должны быть квалифицированы как приготовление к преступлению: по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 или ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса РФ. Так, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала законным приговор Московского окружного военного суда от 23 августа 2018 г., которым действия М., задержанного при прохождении пограничного контроля в аэропорту при попытке вылета в Стамбул в целях последующего вступления в международную террористическую организацию на территории Сирии, были переквалифицированы с покушения на участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, на приготовление к этому преступлению. Судом установлено, что для реализации умысла на вступление в запрещенную в России международную террористическую организацию «Исламское государство» на территории Исламской Республики Афганистан М. установил посредством использования сети Интернет связь с участниками международной террористической организации «Исламское государство», выполняя указание которых, приобрел билет на рейс Санкт-Петербург – Стамбул, а также личные вещи и предметы для следования в другое государство. Действия, связанные с перепиской с целью инструктажа о способе прибытия в Афганистан с участниками международной террористической организации «Исламское государство», приобретение авиабилета и вещей, необходимых для поездки, суд квалифицировал как создание условий для совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ. Отклоняя апелляционное представление государственного обвинителя, Верховный Суд указал, что объективных действий, связанных с участием в деятельности террористической организации, М. не совершил по независящим от него обстоятельствам, поэтому содеянное им следует квалифицировать по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ. Аналогичным образом, как приготовление к вступлению в незаконное вооруженное формирование или международную террористическую организацию, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ квалифицировала действия лиц, задержанных правоохранительными органами после покупки авиабилета в государства, граничащие с Сирией и Афганистаном, а также на этапах приискания средств на транспортные расходы и установления маршрутов следования к зоне влияния боевиков.

Согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1, преступление в форме участия лица в незаконном вооруженном формировании считается оконченным с момента совершения конкретных действий по обеспечению деятельности незаконного вооруженного формирования. Под участием в незаконном вооруженном формировании надлежит понимать вхождение в состав такого формирования (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования (обучение его

участников; строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования и т.п.). Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 208 УК РФ за участие в незаконном вооруженном формировании наступает в случаях, когда участники этого формирования осознают его незаконность и свою принадлежность к нему и действуют для реализации его целей.

Члены деструктивных организаций активно используют информационно-телекоммуникационную сеть Интернет для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности [5, с. 15]. Террористические организации создают в социальных сетях группы, в которых находят потенциальных сторонников и людей, восприимчивых к фундаменталистским идеям. Популярными в этом плане являются мессенджеры «WhatsApp», «Telegramm», «Zello», «Messenger CCS» и др. Радикалы используют электронные страницы и сайты с завуалированным экстремистским подтекстом. «Площадкой для вербовки выступают группы о религии, культуре мусульманских стран, суициде, молодежных субкультурах, происходящих в мире событиях, психологии, политике [6, с. 51]. С появлением информационных технологий, когда передача информации на огромные расстояния занимает долю секунды, ситуация усугубляется [7, с. 104].

С развитием компьютерных технологий, обучение завербованных лиц, принятие ими присяги, дача устного согласия и даже руководство реальными актами терроризма могут быть совершены без реального физического взаимодействия с участниками террористической организации. Дистанционный способ вовлечения в террористические группировки является наиболее распространенным. Так, например, 3 апреля 2019 г. в г. Нальчике Кабардино-Балкарской Республики К., в ходе переписки с иным лицом, находящимся на территории Сирийской Арабской Республики дал свое согласие на совершение террористического акта 9 мая 2019 г. на территории г. Нальчика во время проведения праздничного шествия, посвященного празднованию годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В указанных целях К. незаконно хранил по месту своего жительства два самодельных взрывных устройства и взрывчатое вещество. Действия К. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205; ч. 1 ст. 222.1 и ч. 1 ст. 223.1 УК РФ [2].

В связи с активизацией террористической угрозы, эволюцией террористической тактики от разовых акций к масштабным военизированным выступлениям, существует проблема субъектного статуса террористов - участников вооруженных противостояний. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации, является сам наемник. Объективная сторона деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса РФ, заключается в непосредственном участии наемника как в вооруженном конфликте, так и в военных действиях. То есть речь идет об участии в вооруженных боестолкновениях с использованием различных видов оружия по его прямому функциональному назначению.

Обстановка вооруженного конфликта или военных действий является обязательным признаком объективной стороны данного состава. «Вооруженный

конфликт бывает двух видов: а) международный конфликт, предполагающий военные действия между государствами, государством и группой государств; б) конфликт немеждународного характера (внутренний конфликт) предполагает длительное военное противостояние между правительственными вооруженными силами и организованными вооруженными группами или между самими такими группировками, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, позволяющий им вести непрерывные и согласованные военные действия» [8, с. 22].

Отдельные ситуации военных действий не обладают всеми признаками вооруженного конфликта [9, с. 125]. Внешне данные действия крайне схожи с масштабными терактами. В судебной практике факт подтверждения наличия вооруженного конфликта устанавливается различными способами. Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016 имеется ссылка на пресс-релиз, изданный директором Главного управления Международного комитета Красного Креста Д. Штилхартом, а также указание на соответствующее письмо, опубликованное МИД РФ, в которых события, происходящие на территории Украины, расцениваются в качестве внутреннего вооруженного конфликта немеждународного характера [10]. В приговоре Нальчикского городского суда КБР от 26 ноября 2014 г. N 1-372/14 имеется ссылка на официальное письмо МИД РФ от 1 октября 2013 г., из которого следует, что с учетом масштабов боестолкновений на данный момент в Сирии имеет место вооруженный конфликт немеждународного характера. В качестве участников этого конфликта выделены с одной стороны Правительство Сирийской Арабской Республики, а с другой – «Свободная сирийская армия» и иные террористические группы, вооруженные формирования, которые не предусмотрены законодательством этого государства («вооруженная оппозиция»). В ходе создания «вооруженной оппозиции» была осуществлена разработка ее структуры, установлена система управления, подчиненности, а также материально-технического обеспечения. Имела место активная вербовка лиц, которые должны были принять участие в вооруженном конфликте со стороны «вооруженной оппозиции». Оппозиция на вооружении имела различное огнестрельное оружие, бронетехнику, а также средства связи. Кроме того, на территории Сирии были созданы полевые лагеря, которые были предназначены для проведения обучения завербованных наемников, по подготовке к ведению военных действий против проправительственных сил Сирийской Арабской Республики [11].

Наемничество окончено с момента начала участия наемника в боевых действиях. Такое участие в юридической литературе понимается по-разному. Так, А. Кибальник и И. Соломоненко считают, что «речь идет о моменте начала непосредственного участия в вооруженном столкновении независимо от стороны конфликта» [12, с. 55], а З.А. Эбзеева расширяет понятие участия и включает туда не только «его участие в боестолкновениях, но также и само привлечение лица к военно-техническому обеспечению» [9, с. 125]. В судебной практике привлечение наемника к военно-техническому обеспечению стороны военного конфликта приравнивается к участию в нем. Так, в приговоре Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.02.2015 г. N 1-61/2015 деяние заключалось в следующем: «С., который пребывал на территории Сирийской

Арабской Республики, проживая в пригороде, находился в составе вооруженного формирования, где выполнял обязанности, присущие рядовому наемнику, так, он принимал участие совместно с другими неустановленными лицами в вооруженном конфликте, направленном против сирийских правительственных вооруженных сил, осуществляя несение караульной службы, связанной с охраной места, в котором производилась дислокация вооруженного формирования, а также путем регулярных выездов на различные охранные мероприятия, которые назывались «рибаты» и включали в себя защиту от нападения на здания, сооружения, оборонительные укрепления, которые находились под контролем соответствующих антиправительственных вооруженных формирований» [13].

Субъективная сторона участия боевиков в вооруженном конфликте или военных действиях характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознает общественную опасность своего участия в качестве наемника, а также оно понимает противоправность такого участия. В качестве обязательного признака субъективной стороны выделена цель - получение материального вознаграждения за участие в качестве наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

В ч. 1 ст. 1 Конвенции 1989 г. детализируется сумма вознаграждения с указанием на сопоставление ее с вознаграждением комбатанта (лица, входящего в состав регулярных вооруженных сил), имеющего такой же ранг и функции, так, по Конвенции должно иметь место существенное превышение. Следует отметить, что в немногочисленных материалах судебной практики по применению данной нормы отсутствует сопоставление с вознаграждениями комбатантов. Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Кирова по делу от 26 августа 2016 г. N 1-637/2016 получение материального вознаграждения расписано следующим образом: «...за совершение противоправных действий наемник К. получал от командиров полка «Азов» вознаграждение в размере не менее 3000 украинских гривен ежемесячно, что по курсу ЦБ РФ составило не менее 64493 руб.» [14].

Вербовщики убеждают приспешников в том, что лишь в будущем исламском государстве бытует справедливость, благочиние, а люди живут по истинным канонам ислама. Нередко вербовщики распространяют информацию о мощной социальной составляющей ИГИЛ: о том, что вступившим в ряды террористической организации предоставляют жилье, бесплатные медицинские услуги, образование и содержание. Веря в «идеалы» террористов, не найдя источников средств к существованию в своей стране, будущие радикалисты покидают Родину вместе со своими семьями.

Однако, оказываясь в зоне боевых действий, у религиозных фанатиков быстро наступает глубокое разочарование, когда они понимают, что командиры джамаатов воюют вовсе не ради спасения сирийского народа и не за воцарение ислама на земле, как им внушали ранее, а за деньги спонсоров международного терроризма. Результаты выборочных исследований свидетельствуют о том, что «прибыв в Сирию за свой счет, радикалы узнают, что не только форменное обмундирование, но даже оружие они должны приобрести самостоятельно, что материальная обустроенность присутствует в жизни лишь лидеров джамаатов. Рядовые участники ИГИЛ вынуждены просить помощи у родственников, оставшихся в России» [15, с. 54]. Стремление к материальному благополучию подменяется навязанной ложной идеологией. Завербованные лица оказываются в «ловушке», изобретенной лидерами

международных террористических организаций.

Корыстная цель у иностранного боевика-террориста фактически может переплетаться с иными мотивами и целями, например, идеологического, религиозного, этнического, политического, социального и иного характера. Такое сочетание с другими целями не должно исключать привлечение завербованного иностранного боевика-террориста к уголовной ответственности за участие в вооруженном конфликте. Представляется излишней законодательная необходимость установления корыстной мотивации наемника. «Если мы имеем дело с преступлением, направленным против мира и безопасности человечества, а не с какой-то незаконной формой индивидуальной трудовой деятельности, то какое значение для международной безопасности имеет мотивация делинквента» [16, с. 45]: воюет ли он за «справедливость», ради «мира во всем мире» или из иных побуждений, возможно субъективного характера (с детства представлял себя воином).

Исходя из регламентации ст. 359 УК РФ доминирование идеологического, религиозного, этнического, политического, социального или иного характера мотивации исключает квалификацию действий иностранного боевика-террориста как наемника. В подобных ситуациях их действия будут квалифицированы по уголовно-правовым нормам, предусматривающим ответственность за преступления террористической направленности. Финансовая или материальная выгода представляется лишь одним из инструментов мотивации среди многих других, которыми может стимулироваться деятельность иностранных боевиков-террористов.

Уголовный закон предусматривает ответственность за акт международного терроризма. При совершении данного деяния очевидна направленность на причинение вреда международному миру и безопасности человечества, а также на причинение вреда интересам России (ст. 361 УК РФ). Отличительным признаком объективной стороны акта международного терроризма является место его совершения. В силу прямого указания закона такой акт должен быть совершен вне пределов России – т.е. на иностранной либо нейтральной территории. Данный подход к регламентации акта международного терроризма подлежит справедливой критике. «При определенных обстоятельствах одно и то же деяние, подпадающее под признаки акта международного терроризма, может получить различную правовую оценку. Допустим, что взорван самолет с российскими гражданами. Если это произошло в зарубежном либо нейтральном воздушном пространстве – налицо акт международного терроризма, а если в небе над Россией — нет. Данное положение вещей, как ни странно, умаляет интересы именно российских граждан. Кроме того, возможна совершенно парадоксальная ситуация. Как известно, военные воздушные и водные суда считаются территорией России вне зависимости от места их дислокации. В случае если, например, российское военное судно подверглось атаке в зарубежном порту – об акте международного терроризма снова не может идти речи (хотя в том, что такое деяние поставит под вопрос международный мир, сомневаться не приходится)» [17, с. 42].

В рамках поиска оптимальной модели противодействия действиям иностранных боевиков-террористов, в качестве недостатка следует отметить отсутствие в рамках главы 34 УК РФ норм, регламентирующих ответственность за создание

международных террористических организаций и участие в них. В сложившейся ситуации лица, по сути, вступившие в международную террористическую организацию, проходящие соответствующее обучение под руководством «профессиональных» кураторов, осуществляющие подготовку к актам международного терроризма, по факту привлекаются к ответственности за преступления против общественной безопасности. В соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ ответственность предусмотрена лишь за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. В пограничных ситуациях такой критерий как «корысть» позволяет варьировать между преступлениями против мира и безопасности и преступлениями против общественной безопасности.

Боевики-террористы приезжают на территорию иностранного государства с целью участия в международных террористических организациях. Одним из движущих мотивов чаще всего выступает корысть. При доминировании иных мотивов такие деяния автоматически трансформируются в посягательство против общественной безопасности. Однако фактически при вступлении их в международную террористическую организацию, осуществляются подготовительные действия именно к актам международного терроризма (лидеры данных организаций осуществляют планирование цепочки терактов в различных странах мира). Очевидно, что в таких ситуациях под угрозой находится мир и безопасность человечества. Сложившаяся ситуация требует регламентации ответственности иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 УК РФ.

Интенсивность деятельности иностранных боевиков-террористов, количество и тяжесть совершаемых ими актов международного терроризма, напрямую зависят от уровня их финансирования и материально-технической оснащенности [18, с. 40]. Под финансированием незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ) следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения деятельности объединения, отряда, дружины или иной группы. В тех случаях, когда лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации по ч.1 ст. 205.1 УК РФ как финансирование терроризма не требуется.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы

одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц). В ч. 4 ст. 205.1 УК РФ установлена ответственность за действия в виде организации совершения или руководства совершением хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно организации финансирования терроризма. При этом дополнительной квалификации по статьям 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно по частям 1 и 2 ст. 205.1 УК РФ в части финансирования терроризма не требуется (п. 17.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1).

Россия поддерживает международные усилия, направленные на выявление физических и юридических лиц, вовлеченных в финансирование террористических организаций. Большое значение при проведении финансовых расследований имеют наборы данных, характеризующих криминально активных лиц – личности боевиков-террористов [19, с. 256]. Для эффективной деятельности правоохранительных органов в этой сфере необходимо располагать финансовой, агентурной, технической и аналитической видами разведок; наличием во всех странах норм, устанавливающих уголовную ответственность за финансирование террористической деятельности. Такая ответственность за финансирование экстремистской деятельности в РФ, например, была установлена только в 2014 г. [20, с. 45]. Криминализация финансирования терроризма в уголовном законодательстве США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии и Испании являлась реакционной мерой на совершенные 11 сентября 2001 г. в США террористические акты, а также следствием имплементации в их национальное законодательство положений международных конвенций и специальных рекомендаций FATF (Международная рабочая группа по борьбе с отмыванием денег), направленных на противодействие финансированию терроризма.

В современных условиях существует множество способов легитимации денежных средств, полученных преступным путем. Сформированная финансовая система выступает важнейшим элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации деятельности иностранных боевиков-террористов [18, с. 40]. По мнению исследователей [18, с. 42], за последние 20 лет произошла трансформация источников финансирования, которая во многом была обусловлена глобализацией экономики, открывшей небывалые возможности для этого (формирование мирового рынка, развитие международной торговли, мировых систем коммуникаций).

Обобщения многолетней практики деятельности международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств показывают, что внешними источниками финансирования международного терроризма, выступают: финансовая поддержка, оказываемая иностранными государственными органами и организациями, международными экстремистскими и террористическими организациями, приверженными идеологии терроризма, религиозными учреждениями, коммерческими и некоммерческими организациями. Такая помощь может поступать также от индивидов, населения, а также террористических ячеек. Помимо внешних источников, имеются источники внутреннего финансирования. Их также немало, а именно: доходы, получаемые от

легального и нелегального бизнеса; членские взносы; помощь обеспеченных террористов, отдельных лиц, радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций.

Под эгидой Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ проводится работа по выявлению и ликвидации каналов и источников финансирования боевиков. Для этого задействован в полной мере координационный потенциал Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) [20, с. 47]. Накопленный годами опыт международных организаций правоохранительной направленности (Интерпол, Национальные центральные бюро государств – членов Интерпола, Европол, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ) по противодействию финансированию деятельности боевиков-террористов, служащий неотъемлемой частью повышения его эффективности и приведения национальными государствами в соответствие с международным стандартом, создает небывалую возможность (в случае его внедрения в практику деятельности спецслужб и правоохранительных органов) избежать возможных проб и ошибок. Несмотря на взаимодействие международного сообщества в данном вопросе, правоохранительные органы испытывают затруднения в получении и использовании информации о финансовых операциях и лицах, их совершающих. «Складывается ситуация, при которой имеется возможность анонимизации личности пользователя сети Интернет» [21, с.10].

В уполномоченных органах (МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России) не реже одного раза в полугодие проводятся проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, направленной на установление и ликвидацию источников и каналов финансирования терроризма [22]. Банки ежедневно передают в правоохранительные органы около 8 тыс. сообщений о подозрительных сделках своих клиентов [23, с. 39]. Центральный банк России также отслеживает факты использования при совершении сделок «виртуальных валют». ФНС России предпринимает ряд мер по осуществлению контроля за обращением криптовалют [24]. По требованиям Генеральной прокуратуры РФ Роскомнадзором в сети Интернет блокируются веб-ресурсы, созданные для сбора денежных средств на поддержку незаконных вооруженных формирований в Сирийской Арабской Республике, на которых размещались текстовые и аудиовизуальные материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций, содержались призывы оказывать финансовую помощь террористическим группам с указанием номеров мобильных телефонов, QIWI-кошелек и иных платежных реквизитов [5, с. 15]. При этом остаются реальные возможности использования виртуальной валюты при осуществлении преступной деятельности [21, с. 9].

Внедрение цифровых технологий в финансовой и банковской сферах без достаточного законодательного регулирования затрудняет реализацию мер противодействия финансированию деятельности иностранных боевиков-террористов. Большая вероятность широкого использования криптовалюты (виртуальной валюты) сохраняется, в том числе и в РФ. Это обусловлено, прежде всего, процессом глобализации экономики, связанным с формированием мирового

рынка, бурным развитием международной торговли, установлением тесных экономических связей, системой международных расчетов, позволяющей быстро осуществлять сложные финансовые операции с использованием банковских учреждений нескольких государств, взаимными инвестициями. Экономисты утверждают о существовании формирующихся международных финансовых сетей, отличительной особенностью которых могут стать предпринимаемые попытки использования финансовых операций в обход национальной платежной системы. С целью регулирования отношений, возникающих при обороте цифровой валюты в РФ принят Федеральный закон от 31 июля 2020г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

На сегодня выход из создавшегося положения найден FATF, в соответствии с которым его государствам-участникам предложено осуществлять регулирование использования виртуальных валют. В связи, с чем для эффективного обнаружения и проверки информации о совершенном преступлении требуется отлаженный механизм действий сотрудников правоохранительных органов [25, с. 3]. В целях усиления борьбы с действиями иностранных боевиков-террористов в России была создана Федеральная служба по финансовому мониторингу, которая призвана осуществлять функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. В рамках выполнения требований Федерального закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» платежные агрегаторы на основании договоров о приеме электронных средств платежа и/или участия в переводе денежных средств осуществляют идентификацию торгово-сервисных предприятий. Сведения о каждом платежном агрегаторе включаются в перечень, который ведет Центрального банка России на основании данных, представляемых ему кредитными организациями. Такие правила предусмотрены в положениях п. 29 ст. 3 и ст. 14.1 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Таким образом, роль платежного агрегатора заключается в том, что он выступает в качестве посредника между торгово-сервисным предприятием и его клиентами, оплачивающими товары, работы или услуги с использованием электронных средств платежа [26, с. 60].

Таким образом, представители международных террористических организаций вербуют граждан для вступления в их сообщество, манипулируют их сознанием посредством информационных технологий. Обучение завербованных лиц, принятие ими присяги, дача устного согласия на совершение действий террористической направленности, даже реальные акты терроризма могут быть совершены под руководством организаторов в онлайн-режиме. Дистанционный способ общения террористов необходимо приравнять с реальным физическим взаимодействием. Общественная опасность действий вовлеченных в террористическую деятельность лиц посредством личного контакта или онлайн-формата ничем не отличается. С момента вступления в международную организацию посредством видео или аудио связи завербованное лицо необходимо рассматривать в качестве участника соответствующей террористической группировки.

Иностранные боевики-террористы составляют боевой потенциал вооруженных конфликтов или военных действий. Обстановка вооруженного конфликта или военных действий, как правило, определяется ссылкой на соответствующие официальные документы, юридически подтверждающие статус соответствующего противостояния. Профессиональные боевики выполняют военные задания за соответствующее вознаграждение, что является основанием квалификации их действий в соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ. При преобладании в деятельности иностранных боевиков-террористов иных мотивов (идеологических, религиозных, этнических, политических, социальных) или личной заинтересованности, квалификация по данной норме затруднена. Такой критерий как «корысть» полностью меняет объект посягательства: преступление против мира и безопасности человечества автоматически трансформируется в посягательство против общественной безопасности. При этом фактически при участии боевиков в международных вооруженных конфликтах или военных действиях наносится вред именно первому объекту. Данная проблема субъектного статуса террористов – участников вооруженных противостояний требует решения международного уровня.

В рамках поиска оптимальной модели противодействия действиям иностранных боевиков-террористов, в качестве недостатка следует отметить отсутствие в рамках главы 34 УК РФ норм, регламентирующих ответственность за создание международных террористических организаций и участие в них. В соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ ответственность предусмотрена лишь за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. В пограничных ситуациях такой критерий как «корысть» позволяет варьировать между преступлениями против мира и безопасности и преступлениями против общественной безопасности. Фактически при вступлении боевиков в международную террористическую организацию, осуществляются подготовительные действия именно к актам международного терроризма. В связи с чем, предлагаем регламентировать ответственность иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 УК РФ.

Ключевым вопросом в противодействии действиям иностранных боевиков-террористов продолжает оставаться подрыв материальных и финансовых его основ. В России эта деятельность приобретает особую актуальность и рассматривается государством как одна из первостепенных проблем. Обобщение международного опыта противодействия финансированию действий боевиков-террористов позволяет выделить наиболее значимые его формы и методы. К их числу мы относим: адаптацию в новых условиях на уровне отдельных стран международных стандартов с учетом местных условий; принятие представителями государственной власти мер по совершенствованию нормативных правовых актов в области противодействия финансированию терроризма, соразмерных существующему риску; замораживание активов организаций, приверженных идеологии терроризма, и перекрытие каналов их финансирования. Тесное взаимодействие государств должно стать одним из основных принципов организации противодействия финансированию терроризма.

1. В Ростове-на-Дону суд приговорил к 17 годам колонии боевика ИГ (опубликовано 11 апреля 2019г.). Эл. ресурс. Режим доступа: <https://m.news.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.kommersant.ru%2Fdoc%2F3940132> (дата обращения 22.08.2020г.).
2. Прессслужба южного окружного военного суда. Эл. ресурс. Режим доступа: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1718 (дата обращения 22.08.2020г.).
3. Тисен О.Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств // Уголовное право. 2019. N 5. - С. 87.
4. Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 11 января 2017 г. в отношении А., признанного виновным по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ // СПС КонсультантПлюс.
5. Хохлов Ю.П. Этот опасный Интернет. Генеральная прокуратура Российской Федерации реализует комплекс мер, направленных на обеспечение профилактики экстремизма и терроризма // Прокурор. 2015. N 3. - С. 15.
6. Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018. N 9. - С. 51.
7. Чернышов В.Н., Кочеткова М.Н. Уголовно-правовая охрана авторских прав в сети Интернет как элемент обеспечения безопасности информационного общества // Современное право. 2018. N 7-8. - С. 104/
8. Климов А.С., Хорьяков С.Н. Особенности ответственности наемника за участие в вооруженном конфликте или военных действиях по международному и национальному уголовному законодательству // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. N 4. С. 22.
9. Эбзеева З.А. Уголовно-правовая характеристика наемничества // Современное право. 2012. N 5. - С. 125.
10. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.05.2019г.).
11. Приговор Нальчикского городского суда КБР от 26 ноября 2014 г. N 1-372/14. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.05.2019г.).
12. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за наемничество // Российская юстиция. 2002. N 4. - С. 55.
13. Приговор Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 февраля 2015 г. N 1-61/2015. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.05.2019г.).
14. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.05.2019г.).
15. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018. N 9. - С. 54.
16. Ростокинский А.В. Наемничество-2014: парадоксы российского законодательства и его применения // Российский следователь. 2015. N 24. - С. 45.
17. Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма - новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. N 6. - С. 42.
18. Добаев И.П., Добаев А.И. Особенности финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. - М.: ЗАО Издательство «Современная экономика и право», 2016. № 4. - С. 40-42.
19. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Г. Братко, И.Е. Волуевич, В.И. Готов и др.; под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. - М.: Юстицинформ, 2018. Т. 2. - С. 256.
20. Иванов П.И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. - С. 45-47.
21. Батоев В.Б., Семенчук В.В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2(42). - С. 9-10.
22. Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // Законность. 2018. № 6. П. 2.8.
23. Каримов В.Х. Возможности реализации государством комплекса мер по предотвращению террористических угроз // Российский следователь. 2016. № 16. - С. 39.

24. Письмо ФНС России от 3 октября 2016 г. № ОА1817/1027 «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» // СПС КонсультантПлюс.
25. Абрамова А.А. Особенности предварительной проверки сообщения о финансировании терроризма // Российский следователь. 2019. № 8. - С. 3.
26. Бычков А.И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико-правовой бюллетень. 2019. N 12. - С. 60.

Donskaya (Kavelina) O. G., Seregina E. V., Nikitenko N. S. Difficult aspects of countering the activities of terrorist fighters // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – P. 110-124.

The article examines the complex issues of qualification of terrorist crimes related to the assessment of unfinished actions of terrorist militants, their participation in armed conflicts, financing the activities of illegal armed groups and international terrorist organizations.

The authors pay special attention to the problem of delimiting the criminal activities of foreign terrorist fighters from mercenaries. Foreign terrorist fighters constitute the combat potential of armed conflicts or hostilities. Professional militants carry out military missions for appropriate remuneration, which is the basis for qualifying their actions in accordance with Part 3 of Art. 359 of the Criminal Code of the Russian Federation. If other motives (ideological, religious, ethnic, political, social) or personal interests predominate in the activities of foreign terrorist fighters, qualification according to this norm is difficult.

The content of the article substantiates proposals on the need to regulate the responsibility of foreign terrorist fighters for participation in the activities of an international terrorist organization within the framework of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the basis of a generalization of international experience in countering the financing of terrorist fighters' actions, the authors identified its most significant forms and methods.

Keywords: terrorist fighters, armed conflicts, hostilities, qualifications, selfish motive, international experience, mercenary activities, regulation of responsibility, financing of terrorism.

Spisok literatury

1. V Rostove-na-Donu sud prigovoril k 17 godam kolonii boevika IG (opublikovano 11 aprelya 2019g.). El. resurs. Rezhim dostupa: <https://m.news.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.kommersant.ru%2Fdoc%2F3940132> (data obrashcheniya 22.08.2020g.).
2. Pressluzhba yuzhnogo okruzhnogo voennogo suda. El. resurs. Rezhim dostupa: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1718 (data obrashcheniya 22.08.2020g.).
3. Tisen O.N. Kvalifikaciya neokonchennyh prestuplenij, napravlennyh na vstuplenie v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii i nezakonnye vooruzhennyye formirovaniya na territorii inostrannyh gosudarstv // Uголовное право. 2019. N 5. - S. 87.
4. Prigovor Derbentskogo gorodskogo suda Respubliki Dagestan ot 11 yanvarya 2017 g. v otnoshenii A., priznannogo vinovnym po ch. 3 st. 30 i ch. 2 st. 208 UK RF // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Hohlov YU.P. Etot opasnyj Internet. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii realizuet kompleks mer, napravlennyh na obespechenie profilaktiki ekstremizma i terrorizma // Prokuror. 2015. N 3. - S. 15.
6. Tisen O.N. Protivodejstvie sovremennym priemam i sposobam verbovki v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii // Rossijskaya yusticiya. 2018. N 9. - S. 51.
7. CHernyshov V.N., Kochetkova M.N. Uголовно-pravovaya ohrana avtorskih prav v seti Internet kak element obespecheniya bezopasnosti informacionnogo obshchestva // Sovremennoe pravo. 2018. N 7-8. - S. 104/
8. Klimov A.S., Hor'yakov S.N. Osobennosti otvetstvennosti naemnika za uchastie v vooruzhennom konflikte ili voennyh dejstviyah po mezhdunarodnomu i nacional'nomu uголовnomu zakonodatel'stvu // Mezhdunarodnoe uголовное pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2019. N 4. S. 22.
9. Ebzeeva Z.A. Uголовно-pravovaya harakteristika naemnichestva // Sovremennoe pravo. 2012. N 5. - S. 125.
10. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Kirova ot 26 avgusta 2016 g. po delu N 1-637/2016. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: <http://rospravosudie.com> (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
11. Prigovor Nal'chikskogo gorodskogo suda KBR ot 26 noyabrya 2014 g. N 1-372/14. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: <http://rospravosudie.com> (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).

12. Kibal'nik A., Solomonenko I. Ugolovnaya otvetstvennost' za naemnichestvo // Rossijskaya yusticiya. 2002. N 4. - S. 55.
13. Prigovor Noyabr'skogo gorodskogo suda YAmalo-Neneckogo avtonomnogo okruga ot 26 fevralya 2015 g. N 1-61/2015. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: <http://rospravosudie.com> (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
14. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Kirova ot 26 avgusta 2016 g. po delu N 1-637/2016. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: <http://rospravosudie.com> (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
15. Protivodejstvie sovremennym priemam i sposobam verbovki v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii // Rossijskaya yusticiya. 2018. N 9. - S. 54.
16. Rostokinskij A.V. Naemnichestvo-2014: paradoksy rossijskogo zakonodatel'stva i ego primeneniya // Rossijskij sledovatel'. 2015. N 24. - S. 45.
17. Kibal'nik A.G., Suvorov V.A. Akt mezhdunarodnogo terrorizma - novoe prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva // Ugolovnoe pravo. 2016. N 6. - S. 42.
18. Dobaev I.P., Dobaev A.I. Osobennosti finansirovaniya terroristicheskikh struktur v Severo-Kavkazskom regione // Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka. - M.: ZAO Izdatel'stvo «Sovremennaya ekonomika i pravo», 2016. № 4. - S. 40-42.
19. Finansovyy monitoring: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury / A.G. Bratko, I.E. Voluevich, V.I. Glotov i dr.; pod red. YU.A. CHihanchina, A.G. Bratko. - M.: YUsticinform, 2018. T. 2. - S. 256.
20. Ivanov P.I. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma (v aspekte mezhdunarodnogo sotrudnichestva) // Bezopasnost' biznesa. 2019. № 4. - S. 45-47.
21. Batoev V.B., Semenchuk V.V. Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoj deyatel'nosti: problemy protivodejstviya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2(42). - S. 9-10.
22. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 21.03.2018 № 156 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Zakonnost'. 2018. № 6. P. 2.8.
23. Karimov V.H. Vozmozhnosti realizacii gosudarstvom kompleksa mer po predotvrashcheniyu terroristicheskikh ugroz // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 16. - S. 39.
24. Pis'mo FNS Rossii ot 3 oktyabrya 2016 g. № OA1817/1027 «O merah po osushchestvleniyu kontrolya za obrashcheniem kriptovalyut» // SPS Konsul'tantPlyus.
25. Abramova A.A. Osobennosti predvaritel'noj proverki soobshcheniya o finansirovanii terrorizma // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 8. - S. 3.
26. Bychkov A.I. Agregatory i marketplejy // Ekonomiko-pravovoj byulleten'. 2019. N 12. - S. 60.